

Уже перевалило за десять вечера.

Весь древний город погрузился в сон. Густая ночная тьма мягко окутала улочки, моросил мелкий дождь. Она шла по темным переулкам с походным рюкзаком за плечами, точно так же, как и в день своего приезда, с той лишь разницей, что теперь эти места больше не казались ей чужими.

В отличие от дела об обнаружении трупа, пожар в больнице был куда сложнее. Если бы тогда она не воспользовалась помощью Куньлуня, Е Юйчу, скорее всего, уже была бы мертва. А еще эта рана на лице...

Цзи Юньду помрачнела, ее шаг стал быстрее.

Сначала нужно убедиться, что она добралась до дома, а во второй половине ночи — вернуться в больницу, чтобы присматривать за ней.

Е Юйчу жила в новом районе. Охранник у ворот, увидев женщину с рюкзаком и под зонтом, принял ее за обычную туристку и не стал останавливать. Цзи Юньду остановилась у дома и подняла глаза на окна четвертого этажа. Там было темно — хозяйка явно отсутствовала.

Позади слышались шаги. Цзи Юньду обернулась. Звук был тихим, но, похоже, заставил идущего вздрогнуть.

Она включила фонарик, и, лишь увидев лицо, человек напротив в крайнем изумлении пробормотал:

— Это вы... О, спасибо. Спасибо, что спасли меня.

Е Юйчу и представить не могла, что встретит Цзи Юньду посреди ночи прямо у своего подъезда.

Ей было совестно: в конце концов, она сбежала из больницы без разрешения врача. И надо же было такому случиться — ее поймали с поличным еще до того, как она успела войти в квартиру.

Цзи Юньду опустила взгляд. Она молча приняла благодарность, но уходить не спешила. Похожая сцена произошла всего вчера.

— Если бы не вы, я бы сейчас была в больнице, — опасаясь, что Цзи Юньду ее не так поймет, она поспешно добавила: — В больничном морге.

— Я знаю, — коротко ответила Цзи Юньду.

Е Юйчу закусил губу. После ухода Гао Цзинь она лежала на больничной койке, и, помимо мыслей о деле, ее голову занимал лишь один вопрос: что сказать Цзи Юньду при встрече?

Это ведь не просто подменить кого-то на дежурстве. Вытащить человека из огня, не будучи

пожарным — так ведь и самой голову сложить можно!

Чем больше Е Юйчу думала об этом, тем сильнее становился страх: как она могла так рисковать? Она совсем не думала о том, что если бы... если бы...

Всего несколько встреч, от силы два дня знакомства, и вдруг — такая связь, скрепленная жизнью.

Е Юйчу, сжавшись на кровати, дала себе слово: обязательно нужно ее отблагодарить. Если в будущем ей понадобится помощь, она ни за что не откажет.

Ее мысли были заняты лишь этой женщиной, чей образ постоянно всплывал в памяти. Она не могла успокоиться. Повторяя про себя ее имя и вспоминая ее отстраненный вид, она чувствовала необъяснимую тяжесть. Эта женщина казалась скрытной и печальной, за все дни она ни разу не улыбнулась.

Вот бы она стала хоть немного счастливее.

Но она не позволяет мне вести дело, это же совершенно несправедливо — у Е Юйчу снова разболелась голова.

Она не смогла усидеть на месте и перед окончанием ночной смены тайком сбежала из отделения. Но реальность оказалась суровой: она столкнулась с ней лицом к лицу, когда этого меньше всего ждала.

На холодном ветру они застыли, глядя друг на друга.

Е Юйчу внезапно лишилась дара речи, чувствуя себя ужасно глупо. Она моргнула глазами, раздраженными от ветра, и, глядя, как рубашка Цзи Юньду развевается на порывах, нашла способ прервать молчание:

— На улице слишком холодно, давайте поднимемся, посидим немного.

В тишине ночи их шаги на лестничной клетке звучали особенно отчетливо. Е Юйчу осторожно спросила:

— Ваша куртка испачкалась? На улице так холодно, вы же простудитесь.

— Нет. Просто выходила в спешке и оставила ее в гостинице.

Открыв дверь, она достала теплые тапочки и протянула их гостье:

— Располагайтесь как хотите.

Цзи Юньду не стала церемониться: поставила сумку и оглядела квартиру. Площадь была небольшой: гостиная и кухня совмещены, разделены лишь матовой раздвижной перегородкой. Дверь в кабинет была приоткрыта, за ним спальня. Все очень просто. Несмотря на скромные размеры, в гостиной был полный комплект: маленький диван, журнальный столик и телевизор.

Е Юйчу принесла напиток:

— У меня нет чая, обычно я пью медовую воду с лимоном, не знаю, понравится ли вам.

Цзи Юньду сделала глоток — кисло-сладкий вкус, как у напитков, которые любят дети.

— А тот пуэр, что стоял в комнате дежурного позавчера вечером, был не ваш? — Цзи Юньду была уверена, что не ошиблась, ведь тогда в помещении стоял тонкий аромат чая.

Е Юйчу вспомнила и улыбнулась:

— Я пью пуэр, чтобы взбодриться в ночную смену, он всегда остается в офисе, дома его нет.

Дома хочется расслабиться. Чай слишком горький, куда ему до сладко-кислого напитка.

Она побоялась, что Цзи Юньду сочтет ее ребенком, и проглотила остаток фразы. Цзи Юньду бросила на нее едва заметный взгляд, в котором читалась легкая усмешка, словно она видела ее насквозь.

Е Юйчу, присев в сторонке, возилась с лапшой быстрого приготовления. Цзи Юньду нахмурилась:

— Ты не ужинала?

Она кивнула и протянула гостье пульт:

— Да, немного проголодалась. Если скучно, включите телевизор. Там кабинет, я как раз недавно купила издание с комментариями Чжу Чанжу. Если не брежете, можете посмотреть.

Она смущенно добавила:

— Простите, я довольно скучный человек, ни хорошего вина, ни чая, ни развлечений.

Цзи Юньду встала, подошла к кухне, заглянула в холодильник и обернулась:

— Можешь подождать еще немного? Всего полчаса.

— ...А?

— Хватит есть эту лапшу, в ней нет никакой пользы.

Цзи Юньду достала постное мясо и прошла на кухню. Вскоре ее фигура полностью скрылась за стеной.

Е Юйчу застыла, глядя на полуоткрытую пачку лапши на столе. Лишь когда из кухни донеслись звуки готовки, она пришла в себя и поспешила туда:

— Офицер Цзи, подождите.

Но Цзи Юньду уже размораживала мясо и ловко промывала рис, а глиняный горшок уже стоял наготове.

— Офицер Цзи, не утруждайте себя, я просто хотела перекусить, это лишние хлопоты, — видя, что это не помогает, она добавила с еще большим смущением: — Правда.

— Может, я... я сама? Я ведь умею, — она отступила на шаг и попросила почти шепотом. В этот момент она снова стала ребенком, за которым присматривают взрослые. Уши ее покраснели от стыда, и она не знала, куда деться.

При коллегах она никогда не чувствовала себя так неловко.

— Я сама сварю кашу.

— Ингредиенты уже готовы, скоро будет готово.

— Тогда я помою овощи.

— Они уже помыты и сохнут. Не трогай, а то обморозишь руки.

— Тогда я... — она стояла на кухне, совершенно растерянная, и от безысходности даже подумала сбежать среди ночи на рынок, выпалив первое, что пришло в голову: — Я схожу куплю еще овощей...

Не дожидаясь ответа, она залилась краской.

Цзи Юньду сняла кастрюлю с огня и тихо сказала:

— Я давно не готовила, это довольно приятно.

Сказано было вскользь, но Е Юйчу приняла близко к сердцу: она... любит готовить?

Занятая делом Цзи Юньду и правда выглядела спокойнее, казалось, она получает от этого удовольствие.

Если я сейчас попрошу ее остановиться, не обижу ли я ее?

Но позволить гостю, который впервые в доме, стоять у плиты, пока хозяин сидит и ждет еды — что это за гостеприимство? Она, должно быть, первая такая хозяйка в мире.

Е Юйчу была в смятении. Она хотела помочь, но ее снова остановили:

— Не мешай. Иди отдохни, позову, когда будет готово.

Взгляд гостьи был спокойным и глубоким, а тон не терпящим возражений, с ноткой легкого упрека.

Е Юйчу замолчала и, краснея, послушно расставила тарелки. Вернувшись в гостиную, она молча убрала лапшу и села на диван, погрузившись в свои мысли.

Овощи пожарились быстро, а каша томилась долго. В перерыве Цзи Юньду приготовила еще и паровой омлет. Обычная домашняя еда, легкая и ароматная. Цзи Юньду явно не была голодна, съела лишь пару ложек и отложила палочки:

— Я готовлю пресную еду, тебе нравится?

Е Юйчу, пробуя кашу, искренне ответила:

— Очень вкусно. Я не местная, из Хунани, почти не ем острого. Моя родина — Сучжоу, там едят легкую и сладковатую пищу. Офицер Цзи, вы тоже из региона Цзянчжоу?

— Нет, мои предки из Цинхая.

Е Юйчу удивилась:

— Цинхай?

Подумав, она поняла, что это вполне логично: она высокого роста, черты лица крупные, внешность скорее благородная, чем утонченная — настоящий стиль северной девушки. К сожалению, познания Е Юйчу о Цинхае ограничивались лишь названием региона, поэтому развить тему не удалось.

— Я некоторое время жила на юге, возможно, это повлияло на мои вкусовые предпочтения. Там очень приятный климат, комфортно жить.

Е Юйчу кивнула:

— Это правда, прекрасное место. Я приехала сюда учиться, а потом осталась работать. Иногда очень скучаю по домашней кухне. Хорошо, что моя сестра до сих пор там работает.

— У тебя есть сестра?

Она допила кашу, и, вспомнив детство, немного погрузилась:

— Да, она старше меня на четыре года. Несколько лет назад мы попали в аварию, родители погибли. Остались только мы вдвоем, она всегда заботилась обо мне.

Цзи Юньду опустила ресницы, храня молчание.

— Хорошо, что она есть. После аварии у меня были проблемы с головой, я многое забыла, сама бы точно не справилась. До университета она тянула все на себе. Она очень умная и добрая.

— Сколько тебе тогда было? — тихо спросила Цзи Юньду.

— Семнадцать. Сейчас уже двадцать четыре, — пробормотала она, машинально водя ложкой по дну пустой миски. — Так быстро время летит, семь лет прошло.

— Кроме потери памяти, ты еще пострадала?

— Только сотрясение мозга, — она покачала головой. — Сестра рассказывала, что мама до последнего защищала меня, прижимала к себе. Я просто потеряла сознание, вся была в ее крови. Окно разбилось, и осколки стекла пронзили ей ребра. Врачи хотели спасти нас по отдельности, но меня было не оторвать. При такой страшной аварии на мне почти не было царапин.

Цзи Юньду естественным, заботливым движением убрала прядь волос с лица Е Юйчу за ухо.

— У тебя была замечательная мать, — тихо сказала она, глядя на Е Юйчу с нежностью.

Е Юйчу закусила губу, вид ее стал отрешенным:

— На самом деле я этого не помню, все со слов сестры. Вы не представляете, что я вытворяла в больнице, когда пришла в себя. Мне жаль ее, да и врачам досталось.

— Ненависть к больницам началась с того времени?

Е Юйчу вздрогнула: она действительно терпеть не могла запах антисептиков и эти жуткие белые кровати.

— Откуда вы знаете?

— Ты ведь сбежала из больницы, не так ли?

Е Юйчу не нашлась что ответить. С тех пор как она начала работать в Хунани, она никому об этом не рассказывала. Будучи следователем по особо важным делам, она часто переодевалась в гражданское, чтобы сопровождать семьи жертв в их последний путь. Она не могла позволить себе проявить слабость перед пострадавшими — это было ее принципом.

— Не то чтобы ненавижу, просто не могу привыкнуть, — она глубоко вздохнула и улыбнулась.

— Тебе пришлось нелегко, — медленно произнесла Цзи Юньду. — Когда на душе тяжело, а отпустить не можешь. Ты уже сделала все, что могла, пытаюсь подавить это чувство.

У Е Юйчу сердце сжалось от боли, дыхание перехватило. Она резко повернулась к женщине рядом, и вся накопившаяся обида, встретившись с ее глубоким, спокойным взглядом, внезапно утихла.

— Офицер Цзи... — голос ее дрогнул, — спасибо.

Больше она ничего не смогла сказать.

Цзи Юньду не знала, что она так давно не говорила о родителях — некоторые воспоминания из-за чувства вины стали запретной темой. Она никогда не думала, что когда-нибудь сможет кому-то об этом рассказать.

— Забыть — не всегда плохо. Ни одна мать не захочет, чтобы ее дочь мучилась всю жизнь от душевных ран. Тебе больно, а ей было бы еще больнее, — голос Цзи Юньду стал тише и печальнее. — Тот, кто любит тебя, не станет желать, чтобы ты помнила о боли.

Е Юйчу замерла, прошептав:

— Вы сейчас сказали то же самое, что и моя сестра.

— Правда?

— Да. Когда меня выписывали, сестра сказала то же самое. Даже если я ничего не помню, она никогда не жаловалась.

При упоминании сестры в глазах Е Юйчу наконец появился блеск, а на губах — улыбка:

— Ее зовут Е Цзиньюй. Как в выражении "хранить в себе добродетели".

Цзи Юньду подперла подбородок рукой, глядя на нее с тихим спокойствием: похоже, сестры очень близки.

— Она целыми днями занята на аукционах, но под конец года обязательно приезжает в Хунань на пару дней. Готовить меня научила она, и мне кажется, что я... превзошла учителя, — Е Юйчу засмушалась, но, покраснев, все же закончила: — Офицер Цзи, я правда очень вкусно готовлю.

Она так боялась показаться глупой, что повторяла это снова и снова. А потом, опасаясь, что сказала лишнего, осторожно добавила:

— За исключением хунаньской кухни, я не умею готовить острое, пока еще учусь.

— Ты сказала это уже дважды, — видя ее детское упорство, Цзи Юньду впервые добавила в свой строгий облик легкую улыбку. Голос ее остался низким, но тон стал мягче: — Я запомнила и верю, что ты отличный кулинар. Возможно, когда-нибудь мне удастся это попробовать.

— Конечно, когда угодно!

Цзи Юньду встала, собираясь убрать посуду, но хозяйка решительно вытолкала ее из кухни:

— Идите смотрите телевизор, мыть посуду я вам больше не позволю.

Когда Е Юйчу закончила уборку, она увидела, что Цзи Юньду уже взяла рюкзак и собирается уходить. Она поспешно попыталась ее остановить:

— Вы уже уходите? Куда в такое время? Слишком поздно, гулять одной небезопасно.

— Вернусь в гостиницу. Тебе нужно отдохнуть, — успокоила она ее. — Не волнуйся, не так много людей могут представлять для меня угрозу.

Не успела она уговорить ее остаться, как Цзи Юньду уже переступила порог. Вспомнив о работе, Е Юйчу выпалила:

— Подождите, офицер Цзи! Я... я хотела спросить. Почему меня исключили из следственной группы? Сестра Гао сказала, что вы предложили капитану Лу убрать меня, — она чувствовала себя обиженной, но все еще надеялась добиться справедливости. — Я не сильно ранена, могу ходить и работать, в отделе и так не хватает людей.

Взгляд Цзи Юньду мгновенно стал холодным.

— Ходить и работать — это одно. А что насчет царапин на лице? — короткий вопрос заставил Е Юйчу замолчать.

Цзи Юньду просто констатировала факт. Увидев, как та побледнела, она решила смягчить

удар:

— Мне это кажется подозрительным, боюсь, это не от пожара. Ты была без сознания и, возможно, не помнишь, что произошло. Лучше сосредоточься на лечении и завтра с утра будь в больнице.

Е Юйчу была подавлена: она прямо спросила про царапины, значит, она все поняла. Цзи Юньду была помощницей Су Чжэ, как она могла не заметить след от пули?

Неужели она подозревает поджог? Или это капитан Лу ей сказал?

Может, она ищет ту тень?

И что-то нашла? Тень в темноте, а что, если она следит и за ней...

Мысли Е Юйчу спутались, она застыла на месте, погрузившись в оцепенение.

— Если не можешь находиться в больнице, отдыхай дома. В ближайшие пару дней лучше не выходить и никого не впускать, не забудь запереть дверь. Если станет совсем скучно, можешь прийти в участок, капитан Лу найдет тебе занятие.

Цзи Юньду больше ничего не сказала, и ее силуэт растворился в темноте лестничной клетки.

На следующее утро, полицейский участок.

— Учитель Е, в последнее время слишком много пропавших без вести, — стажер Сяо Ли выглядел обеспокоенным, просматривая стопку дел. — Может, торговцы людьми снова активизировались?

Е Юйчу два часа молча вводила данные пропавших в систему и распечатывала ориентировки. В первый же день после исключения из группы ее отправили заниматься бумажной работой. Как и предсказывала Цзи Юньду, капитан Лу все "устроил". Узнав с утра, что Цзи Юньду и сестра Гао ушли на допросы, она чувствовала досаду, но не могла ничего поделать.

Сяо Ли, будучи человеком недалеким, не заметил ее настроения. Она повернулась:

— Кто-то пришел с заявлением?

— Нет, это передали из следственной группы.

— Дай посмотрю.

Материалов было немного: трое человек — Ван Ян, Ли Вэй и Хун Ляньчан. Единственной связью между ними был Цзян Юань, жертва из дела о трупе. В последний раз их видели вместе с Цзян Юанем 19-го числа во второй половине дня.

Она внесла данные в систему, на мгновение задумалась и сказала Сяо Ли:

— Я закончила, распечатай это. Я пойду кое-что проверю. — Не дожидаясь ответа, она

выбежала из участка.

Днем Фэнхуан был полон людей. Утро выдалось пасмурным, но дождя не было. Торговцы, фотографы, художники — везде царил суета. Е Юйчу петляла по улочкам и добежала до барной улицы. Здесь было тихо, заведения были закрыты. Завернув за угол, она увидела вывеску бара "Счастье", но едва не столкнулась с женщиной.

— Простите, вы в порядке? — Е Юйчу, обладая хорошей реакцией, успела подхватить ее, когда та пошатнулась.

Это была молодая девушка с очень бледной кожей и длинными волосами, от которых исходил легкий запах лекарственных трав.

— Все хорошо, спасибо.

Е Юйчу извиняюще улыбнулась и хотела пройти мимо, но та мягко ее остановила:

— Смесь порошка из плодов муме и рисового уксуса, если наносить наружно, может помочь убрать шрамы.

Е Юйчу замерла, лишь через секунду поняв, что это был дружелюбный совет. Женщина мягко улыбнулась, указывая на ее лицо. Е Юйчу поняла, о чем речь, удивилась, но вежливо поблагодарила, прежде чем та не спеша ушла.

Вскоре она забыла об этом эпизоде и толкнула дверь бара. Внутри раздался свист:

— Красавица, мы еще не открыты. Приходи выпить в девять вечера!

Е Юйчу подошла к нему, демонстрируя удостоверение:

— Полиция. Хочу задать несколько вопросов вашему владельцу.

Разочарование на лице официанта было очевидным, он цыкнул, но все же проводил ее наверх.

Владельца звали Чжан, и, поскольку полиция уже была здесь, он отвечал привычно. Днем бар не работал, но Ван Ян, который был здесь певцом, часто приходил поиграть в игры. Владелец не был знаком с Ли Вэем и Хун Ляньчаном, но знал, что к Ван Яну часто приходили двое мужчин, которые были его хорошими друзьями.

— Он отпросился только на вечер 19-го числа, два дня не появлялся на работе, я сам удивился, — подытожил владелец.

Тот самый нагловатый официант снова пробежал мимо, бренча на гитаре, и господин Чжан беспомощно вздохнул:

— Маленький негодник, ты можешь хоть немного посидеть спокойно?

Е Юйчу странно посмотрела на господина Чжана. Тот отмахнулся:

— Это мой племянник, третьекурсник, пришел на стажировку, помогает немного.

Смысл был ясен: приехал "золотой мальчик", приходится терпеть.

Парень, конечно, вмешался, подражая акценту из фильмов:

— Мадам! Хотите, чтобы я тоже дал показания? Я знаю больше, чем мой дядя! — увидев, что Е Юйчу молода и красива, он осмелел: — Может, подружimsя? Я еще не пробовал играть в наручники.

Господин Чжан, видя болтливость племянника и хмурое лицо Е Юйчу, прикрикнул:

— Что ты понимаешь! Иди наверх!

Е Юйчу не стала спорить, лишь спросила жестко:

— Ты официант, значит, точно знал Ван Яна. 19-го числа днем ты его видел?

Господин Чжан смутился:

— Офицер Е, что он может знать.

— Брат Ван? — задумался парень. — 19-е? В тот день после обеда брат Ван пришел поиграть со мной в Лигу легенд, с ним были двое его корешей. Потом они собрались в горы и даже просили у меня машину.

— Просили машину? — переспросила Е Юйчу.

— Да, я люблю автопутешествия, купил поддержанную машину, — он похвастался, заметив шок на лице дяди. — Купил на деньги от акций, дядя не разрешает водить, так что она стояла за городом. Но в тот день не повезло, машина была в ремонте.

Е Юйчу серьезно посмотрела ему в глаза:

— Они говорили, куда собираются?

— Куда? — он снова начал ломаться. — В округе есть только одно место для походов, красавица, как думаешь, куда?

Е Юйчу начала раздражаться.

— Я веду расследование, а не снимаю кино, — отрезала она, и в ее голосе зазвучала сталь. — Если знаешь — отвечай, если нет — молчи, не нужно гадать. За дачу ложных показаний можно сесть в тюрьму, понимаешь?

Испугавшись ее холодного тона, парень заикаясь произнес:

— Чжанцзяцзе... Это Чжанцзяцзе. Я точно расслышал. Гора Тяньцзы в Чжанцзяцзе.

<http://bllate.org/book/19141/1879915>